

Николай Иванович Гнедич

Лейли и Меджнун

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63   **Николай Иванович Гнедич**
Лейли и Меджнун / Николай Иванович Гнедич – М.: Книга по Требованию,
2012. – 104 с.

ISBN 978-5-458-03400-5

Творчество Н.И.Гнедича (1784-1833) - поэта, переводчика, критика - высоко ценили современники, и в частности А.С.Пушкин. Гнедич был передовым писателем, по своим взглядам близким к декабристам. Его превосходный перевод "Простонародных песен нынешних греков" вызвал живой интерес в прогрессивных кругах русского общества. Главным подвигом жизни Гнедича был перевод "Илиады" Гомера.

ISBN 978-5-458-03400-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Низами Гянджеви
ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Причина сочинения книги

Однажды, благоденствием обьят,
Я наслаждался, словно Кай-Кубад.
«Не хмурься, — думал, — брови распрями,
Перечитай „Диван“ свой, Низами».
Зерцало жизни было предо мной!
И будто ветер ласковой волной
Волос коснулся, возвестив рассвет,
Благоуханных роз даря букет.
Я — мотылек, светильник мной зажжен;
Я — соловей, — сад словно опьянен,
Услышав трели, что слагал певец,
Слов драгоценных я раскрыл ларец.
Калам свой жемчугами отточа,
Я стал велеречивей турача.
Я полагал: «Твори, настал твой час —
Судьба благоприятствует сейчас.
Доколе проводить впустую дни?
Кончай с бездельем, вокруг себя взгляни!
Верши добро и вкусишь от щедрот!
Кто в праздности живет — никчемн тот».
Бродягу-пса удача обошла,
И не заслужит пустобрех мосла.
Мир — это саз, коль жить с ним хочешь в лад,
Настрой его на свой, особый лад.
Тот гордо дышит воздухом родным,
Кто, словно воздух, всем необходим.
Подобием зеркала надо стать.
Чтоб сущий мир правдиво отражать.
Коль ты противоречишь всем вокруг,
То издает твой саз фальшивый звук.
«О, если б муж, причастный к сонму сил,
Заказ достойный мне сейчас вручил!»
Так о работе я мечтал, когда
Явилась вдруг желанная звезда.
«Трудись, счастливцев, позабудь про сон
И будешь ты судьбой вознагражден!»
И совершилось чудо наконец —
Послание шаха мне вручил гонец.
Я с наслаждением вчитываться смог
В пятнадцать дивных, несравненных строк.
Светились буквы, разгоняя мрак,
Как драгоценный камень шаб-чираг.
«Властитель слов, кудесник, Низами,
Раб дружбы верной, наш привет прими.

Вдыхая воздух утренней зари,
Пером волшебным диво сотвори.
Найди проникновенные слова,
Достигни совершенства мастерства.
Любовь Меджнуна славится в веках,
Воспой ее в возвышенных стихах.
Так опиши невинную Лейли,
Чтоб жемчугами строки расцвели.
Чтоб прочитав, я молвил: „Мой певец
И впрямь усладу создал для сердец.
Любовь возвел на высший пьедестал
И кистью живописца расписал“.
Шахиной песен повесть стать должна,
И слов казну растрачивай сполна.
У персов и арабов можешь ты
Убранство взять для юной красоты.
Ты знаешь сам, двустийший я знаток,
Подмену замечаю в тот же срок.
Подделкою себя не обесславь,
Чистейшее нам золото поставь.
И не забудь: для шахского венца
Ты отбираешь перлы из ларца.
Мы во дворце не терпим тюркский дух,
И тюркские слова нам режут слух.
Песнь для того, кто родом знаменит,
Слагать высоким слогом надлежит!»
Я помертвел, — выходит, что судьба
Кольцо мне вдела шахского раба!
Нет смелости, чтоб отписать отказ,
Глаз притупился, слов иссяк запас.
Пропал задор, погас душевный жар, —
Я слаб здоровьем и годами стар.
Чтоб получить поддержку и совет,
Наперсника и друга рядом нет.
Тут Мухаммед, возлюбленный мой сын, —
Души моей и сердца властелин,
Скользнув в покой как тень, бесшумно-тих,
Взяв бережно письмо из рук моих,
Проговорил, припав к моим стопам:
«Внимают небеса твоим стихам.
Ты, кто воспел Хосрова и Ширин,
Людских сердец и мыслей властелин,
Прислушаться ко мне благоволи,
Восслав любовь Меджнуна и Лейли.
Два перла в паре — краше, чем один,
Прекрасней рядом с павою павлин.
Шах просит сочинить тебя дастан,

Царю Иран подвластен и Ширван,
Ценителем словесности слывет,
Искусства благодетель и оплот.
Коль требует, ему не откажи,
Вот твой калам, садись, отец, пиши!»
На речи сына я ответил так:
«Твой ум остер и как зеркало зрак!
Как поступить? Хоть замыслов полно,
Но на душе и смутно и темно.
Предписан мне заранее узкий путь,
С него мне не дозволено свернуть.
Ристалище таланта — тот простор,
Где конь мечты летит во весь опор.
Сказанье это — притча давних дней —
Веселость мысли несовместна с ней.
Веселье — принадлежность легких слов,
А смысл легенды важен и суров.
Безумья цепи сковывают ум,
От звона их становишься угрюм.
Зачем же направлять мне скакуна
В края, где неизведанность одна?
Там ни цветов, ни праздничных утех,
Вино не льется и не слышен смех.
Ущелья гор, горючие пески
Впитали песни горестной тоски.
Доколе наполнять печалью стих?
Песнь жаждет слов затейливо-живых.
Легенды той, грустней которой нет,
Поэты не касались с давних лет.
Знал сочинитель, смелость в ком была,
Что изломает, приступив, крыла.
Но повелел писать мне Ширваншах,
И в честь его дерзну в своих стихах,
Не жалуясь на замкнутый простор,
Творить, как не случалось до сих пор.
Чтоб шах сказал: „Воистину слуга
Передо мной рассыпал жемчуга!“
Чтоб мой читатель, коль не мертвый он,
Забыв про все, стал пламенно влюблен».
И если я поэзии халиф,
Наследник, настоянье проявив,
На уговоры тратил много сил,
Чтоб я ларец заветный приоткрыл.
«Любви моей единственный дастан, —
Промолвил сын, — души моей тюльпан,
Стихи тобою тоже рождены,
И братьями моими стать должны.

Они — созданья духа твоего,
Рождай, пиши, являя мастерство.
Сказ о любви, и сладость в нем и боль,
Он людям нужен, как для пищи соль.
Мысль — это вертел, а слова — шашлык,
Их нанизав, напишешь книгу книг.
Вертеть шампур ты должен над огнем,
Чтоб усладить едою всех потом.
Легенда, как девичий нежный лик,
Который к украшеньям не привык.
Но, чтоб невеста восхищала взор,
Одень ее в сверкающий убор.
Она — душа, природный тот кристалл,
Который ювелир не шлифовал.
Дыханием легенду оживи,
Воспой в стихах величие любви.
Твори, отец! А я склонюсь в мольбе,
Чтоб вдохновенье бог послал тебе!»
Реченья сына — глас самих судеб!
Совету внемля, сердцем я окреп.
В бездонных коях, в самой глубине
Стал эликсир искать, потребный мне.
В поэзии быть кратким надлежит,
Путь длительный опасности таит.
Размер короткий, мысли вольно в нем,
Как скакуну на пастбище степном.
В нем мерный бег морских раздольных волн,
Движением и легкостью он полн.
Размером тем писалось много книг —
Никто в нем совершенства не достиг.
И водолаз доселе ни один
Перл не достал из плещущих глубин.
Бейт должен быть с жемчужиною схож,
В двустишиях изъяна не найдешь.
Я клад искал, трудна моя стезя,
Но отступить в поисках нельзя.
Я вопрошал — ответ мой в сердце был,
Копал я землю — вмиг источник бил.
Сокровищем ума, как из ларца,
Я одарил поэму до конца.
Создать в четыре месяца я смог
Четыре тыщи бейтов, звучных строк.
Коль не было б докучных мелочей,
Сложил бы их в четырнадцать ночей.
Да будет благодатью взыскан тот,
Кто благосклонно встретит этот плод.
О, если б расцвести она смогла б,

Как «си», «фи», «дал», когда придет раджаб!
Пятьсот восемьдесят четвертый год
Поэмы завершение принесет.
Закончен труд, я отдых заслужил,
На паланкин поэму возложил.
К ней доступ я закрою на запор,
Пока мой шах не вынес приговор.

Жалоба на завистников и злопыхателей

О сердце, не удерживай порыв,
Не должен быть оратор молчалив.
Средь златоустов, на арене слов,
Я превзошел искусных мастеров.
Достаток мой — усилий долгих плод,
Сокровищница мысли мне дает.
Открыв простор волшебному коню,
Свое я Семиглавье сочиню.
Такое мне досталось волшебство,
Что отрицать бессмысленно его.
За чародейство слов — творцу почет,
«Зерцалом тайн» прозвал меня народ.
Меч языка разящий создал стих,
Он чудотворен, как пророк Масих,
И обладает силою такой,
Что «Джазр-асаамм» раскроется глухой.
В моих словах святой огонь живет —
Тот, кто коснется, пальцы обожжет.
Поэзии могучая река
Прославилась в мой век на все века.
А дармоеды, их презренный сброд,
Кормиться счастлив от моих щедрот.
Добычу лев сражает наповал;
Обедками питается шакал.
Я съесть могу лишь то, что в силах съесть,
Но прихлебаев у меня не счесть.
Завистники, аллах, избавь от них!
Злословят и хулят мой плавный стих.
Передо мной пластаются, как тень,
Но за глаза поносят всякий день.
Газели сочиню — раздумий плод —
Злоречный за свои их выдает.
Двустипшия торжественных касыд
Он подражаньем жалким осквернит.
А если сочиняет он дастан,
Скажу я так: подделка и обман.
Не полновесным золотом монет,
Фальшивой медью он дурачит свет.
Мартышка людям подражать взялась —
Зерцалом звездным стать не может грязь.
Сияет и лучится яркий свет,
Но тень за ним скользит бесшумно вслед.
О наша тень, ничтожна и смешна,
За человеком следует она.

Столь неотступно, тою же тропой,
За провожатым следует слепой.
Пророк был тени собственной лишен, —
Чужими он тенями окружен.
Знай, океан с прозрачной глубиной
Не замутит бродячий пес слюной.
Бесчинства желтоухие творят, —
От гнева щеки у меня горят.
Я — океан в спокойных берегах,
Гляжу на них с усмешкой на устах,
Я — светоч, пальцем по нему стуча,
Хотят, чтоб ярче вспыхнула свеча.
Я не железный, тяжело зло сносить,
Зачем с каменносердыми мне быть.
Пусть я прославлен как добытчик слов,
Но у меня немало есть врагов.
И бесноватость не избыть врагам;
Недуг приходит к ним по четвергам.
Чтоб оправдаться, мой обчистив двор,
Хозяина поносит наглый вор.
Когда облава на воров идет:
«Держите вора!» — первым вор орет.
Пускай воруют, так тому и быть, —
Но злоязычья не могу простить.
Талант мой видят, но не признают,
Без пониманья образы крадут.
Коль зрячий вор, да будет он слепым!
А коль он слеп, то станет пусть немым!
Сгорая от стыда, терплю их срам.
Мое молчанье на руку врагам!
Быть может, здесь потребна прямота,
Ступай и крикни: «Дверь не заперта!»
О, если б я корыстью был ведом,
Какое бы несчастье было в том!
Скрывая в рукавах весь мир щедрот,
Смотреть не стану, как ворует сброд!
Для слуг моя распахнута сума,
Пусть пользуются этим задарма.
Жемчужин у меня моря полны —
Мне мелкие воришки не страшны.
Сокровище хранят замок и меч.
А рута красоту должна сберечь.
От сглаза мать дала мне руту в дар,
Железным стал я, как Исфандиар.
Мне «Низами» прозвание дано,
Имен в нем тыща и еще одно.
Обозначенье этих букв благих

Надежней стен гранитных крепостных.
Хранит мое богатство бастион,
И я от постыгательств огражден.
Сокровищнице в крепости такой
Подкоп не угрожает никакой.
Где жемчуга, там змеи тут как тут.
Колючки сладкий финик стерегут.
Кто удостоен славы на земле.
Завистой подвергается хуле.
Был братьями Юсуф за красоту
В колодезную брошен темноту.
Иса с дыханьем благостно-живым
Был в Иудее мучим и гоним.
Чтит Мухаммеда набожный араб,—
Преследовал его Абу-Лахаб.
И на земле никто не избежал,
Вкушая мед, пчелиных острых жал.